# Книга “Явление и смысл” Густава Шпета и ее значение в интеллектуальной культуре XX века

(материалы “конференции – круглого стола”)*

В январе 2014 г. в Институте философии РАН состоялся “круглый стол” «Книга “Явление и смысл” Густава Шпета и ее значение в интеллектуальной культуре XX века», посвященный 100-летию публикации. Участники выступили с докладами по проблемам феноменологии, методологии гуманитарного знания, архивных исследований. Обсуждались также проблемы перевода этой книги на английский, французский, немецкий и венгерский языки.

In January, 2014, round table «Book “Appearance and Sense” by Gustav Shpet and its significance in XX century intellectual culture», consecrated to centenary of publication had been held in RAS Institute of Philosophy. Participants read papers on problems of phenomenology, methodology of humanitarian knowledge, archive research. Problems of translation of this book on English, French, German and Hungarian were also been discussed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: феноменология, герменевтика, история русской философии, Густав Шпет, Эдмунд Гуссерль, “Явление и смысл”, методология гуманитарного знания.

KEY WORDS: phenomenology, hermeneutics, history of Russian philosophy, Gustav Shpet, Edmund Husserl, “Appearance and Sense”, methodology of humanitarian knowledge

Участвовали:

*Денн Мариз* – профессор университета Мишеля Монтеня, Бордо-3 (Франция);

*Михайлов Игорь Анатольевич* – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН;

*Молчанов Виктор Игоревич* – доктор философских наук, профессор РГГУ;

*Мотрошилова Нелли Васильевна* – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН;

*Немет Томас* – доктор философии университета Лувена, в настоящее время независимый исследователь (США);

* “Конференция – круглый стол” подготовлена и проведена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-03-00399 «Феноменологические штудии Густава Шпета как основа его “философской жизни” (историко-философская реконструкция архива)».

*Пружинин Борис Исаевич* – доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала “Вопросы философии”;

*Савин Алексей Эдуардович* – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН;

*Тепп Франсуаза* – профессор философии, Бордо (Франция);

*Хан Анна* – кандидат филологических наук, габилитированный доцент Будапештского университета имени Этвеша Лоранда (Венгрия);

*Шмид Ульрих* – доктор наук, профессор университета Санкт-Галлена (Швейцария);

*Щедрина Татьяна Геннадьевна* – доктор философских наук, профессор.

***Б.И. Пружинин***: Феноменология одно из ведущих мировых философских течений сегодня. Сто лет назад вышла в свет книга Густава Шпета “Явление и смысл”. И мы собрались обсудить проблемы, которые в этой книге поставлены и которые не потеряли своей актуальности за последние сто лет: 1) Книга “Явление и смысл” Густава Шпета и ее значение в феноменологическом движении; 2) “Явление и смысл” как культурно-исторический феномен: проблемы перевода; 3) “Явление и смысл” как исток герменевтического и семиотического поворота в философии и гуманитарных науках XX в.

***Б.И. Пружинин***: Татьяна Геннадьевна, может быть, Вы начнете?

***Т.Г. Щедрина***: Прежде всего я хочу поблагодарить дочь Шпета Марину Густавовну Шторх и его внучку Елену Владимировну Пастернак за предоставление архивных материалов и постоянную поддержку всех моих исследовательских начинаний. Хочу сказать спасибо всем иностранным коллегам – исследователям и переводчикам книги Г. Шпета “Явление и смысл” (или ее частей) на английский, французский, немецкий и венгерский языки за их труд и согласие участвовать в нашей конференции.

Для начала уточню некоторые исторические факты. Книга “Явление и смысл” была опубликована в 1914 г. Шпет закончил работу над ней в Гёттингене 3 (16) октября 1913 г. Такая дата написана карандашом в конце его личного экземпляра. Эта же дата окончания зафиксирована и в его дневнике 1913 г. В это время Шпет очень плотно общался и с Гуссерлем (практически каждый день с ним виделся), и с другими феноменологами (М. Шелером, Ж. Херингом). На это также указывает его дневник, над расшифровкой и комментированием которого я сейчас работаю. Совсем недавно мне удалось прочесть его записи, где он сообщает о своих посещениях феноменологических встреч у Х. фон Хейстера (об этих встречах рассказывает и Эдит Штайн). Общение с Гуссерлем и гёттингенскими феноменологами, а также чтение “Идей I” (1913), безусловно, повлияли на интеллектуальную траекторию Густава Шпета. Свидетельством тому – его книга “Явление и смысл”, которую Шпет посвятил Гуссерлю.

В связи с этим интересно недавнее событие. Гуссерль подарил свой экземпляр “Явления и смысла” (с дарственной надписью Шпета) Яну Паточке. В настоящее время эта книга находится в архиве Гуссерля в Лувене. Этим экземпляром пользовался Том Немет для своего перевода. В мае 2013 г. в Праге на международной книжной ярмарке мы представляли серию “Философия России первой половины XX века”. На ее презентацию пришла дочь Яна Паточки Франтишка Соколова, которая была очень рада, что в России оживляется интерес к собственной философской традиции. После нашей встречи она прислала фотографию титульного листа “Явления и смысла” с дарственной надписью Шпета вместе со своими воспоминаниями о том, как она с отцом ходила к И. Лапшину. Эти воспоминания сейчас готовятся к публикации в “Вопросах философии”.

Но вернемся к “Явлению и смыслу”. Книга была напечатана по-особому: один экземпляр был сделан с пустыми страницами специально для Шпета издателем Михаилом Анатольевичем Мамонтовым. Когда в дальнейшем Шпет работал над этим произведением (возможно, он хотел его второй раз издавать), то писал свои пометки на пустых страницах. Исследователи и переводчики Шпета (Т. Немет, Дж. Оттавиано, М. Денн) не раз замечали, что у него в этой книге очень много раскавыченных цитат из Гуссерля. И когда Шпет читал свое уже опубликованное произведение, он не только делал пометки и дополнения на полях, но также указал все раскавыченные цитаты из “Идей I” и “Логических исследований”.

числе Плеханов, который, например, пишет предисловие к книге А. Деборина, сам Деборин, одновременно со Шпетом работающий над Герценом и над Фейербахом. Ведь дискуссия о фейербахианстве Герцена идет очень жестокая. В ней, на мой взгляд, Шпет в целом неправ, но он отстаивает очень здравую линию – антиобъективистскую. Резюмирую. Что такое "Явление и смысл"? Это написанная средствами гуссерлевской феноменологии история сознания и самосознания. Или история духа, ступенями которой являются эмпиризм, первая ступень истории человеческого; логический платонизм, вторая ступень как индивидуальной истории, так и истории социальной. И третья ступень – феноменология или герменевтика, можно называть по-разному. Это, собственно, как у Гегеля – стоицизм, просвещение и т.д. Я закончил. Спасибо.

***Б.И. Пружинин***: Спасибо. Вопросы?

***В.И. Молчанов***: Поскольку был заявлен "контрдоклад" по отношению к моему выступлению, хочу сказать, что я не услышал ничего такого, кроме последней концепции. Конечно, это очень, не побоюсь этого слова, прямолинейно: Шпет был все-таки более тонким автором, чтобы выстраивать продемонстрированные здесь конструкции, так их можно приписать многим, если есть термины "чувство", "разум", "рассудок". Тогда получается, что Гегель, к примеру, взял и развернул в историческом плане кантовские идеи. А у Вас получается так, что Шпет каким-то образом вернулся к Канту. Поэтому я думаю, что вопрос о гегельянстве Шпета бесспорен, но только как его понимать? Все-таки то, что пишет Шпет, Вы никак не можете убрать из этой книжки. Прежде всего, экземпляризм. Ведь Шпет развивает гуссерлевскую теорию абстракций, которая была больше не в "Идеях I", а в "Логических исследованиях", во Втором исследовании. А эта теория абстракций никак с Гегелем прямо не соприкасается. Потому что речь идет о том, что на конкретном восприятии, именно на конкретном и только на конкретном восприятии можно надстроить определенное сущностное созерцание. Шпет, на мой взгляд, упускает, правда, одну "простую" вещь: у Гуссерля не обязательно смотреть на чашку, чтобы потом созерцать сущность чашки. Речь идет только о том, что должен быть слой восприятия, над которым надстраивается любая идея. Шпет несколько прямолинейно, по крайней мере в "Явлении и смысле", пытался связать эмпирическое созерцание и созерцание сущности. У Гуссерля это гораздо шире. Если Вы увидели и смотрите на определенный предмет и если Вы работаете в определенной области знаний, допустим, Вы астрофизик, астроном или математик, то у Вас может возникнуть идея, эмпирически не связанная с этим конкретным восприятием, ибо идеи – вне эмпирических связей, но обязательно должен быть слой восприятия. Поэтому разворачивать опять в исторический план то, что делает Шпет, мне кажется, здесь не продуктивным. Что нам это дает? Вот это мой вопрос: что нам дает такое развертывание?

***А.Э. Савин***: Виктор Игоревич, мне кажется, что это дает вот что. Во-первых, прозвучал тезис, что в "Явлении и смысле" об истории речь не идет. На мой взгляд, целиком во всех новаторских главах – пятой, шестой и седьмой – речь у Шпета идет об истории и только об истории. Только это особая история. Это история "самосознания", ее надо вычитать. И, во-вторых, это дает понимание того, для кого книга "Явление и смысл" Шпетом написана.

***Б.И. Пружинин***: Понятно. Ответ есть. Еще вопросы? Теперь я хочу представить доклад еще одного участника – переводчика введения к "Явлению и смыслу" на немецкий язык Ульриха Шмида.

***У. Шмид***: Наряду с Гегелем и Хайдеггером Гуссерль относится к числу непростых философов. Сложность прежде всего состоит в их своеобразной терминологии. Гегель, Гуссерль и Хайдеггер не только писали по-немецки, но и думали преимущественно в немецких понятиях. Их языковые термины были для них не просто обозначающими что-то означаемое, а самим смысловым содержанием. В своих трудах они часто использовали известные всем термины с общепринятым значением, но видоизменяли их таким образом, чтобы читатель должен был добираться до смысла. Центральные категории этих философов не всегда можно было охарактеризовать как неологизмы, но подчас достаточно было новой комбинации слов или необычного контекста употребления, чтобы возникал новый

смысл. Философское мышление не просто переносилось посредством языка, оно создавалось им. Густав Шпет в "Явлении и смысле" пытался ввести феноменологию Гуссерля как строгую науку в русскую философию. В своем "Очерке развития русской философии" он весьма негативно отзывался о скромном, по его мнению, интеллектуальном уровне отечественной мысли. Позже, будучи уже в сибирской ссылке, Шпет перевел "Феноменологию духа" Гегеля, где попытался выразить гегелевскую философскую терминологию в соответствующих русских терминах (см. [Кляйн 2009]).

Уже предисловие и введение к "Явлению и смыслу" указывают на то, что Шпет в значительной мере ориентировался на немецкую культуру. Так, в посвящении он написал следующее: "Господину профессору Гуссерлю с сердечной симпатией посвящается". В предисловии Шпет признается, что во время написания книги он постоянно слушал оперу Вагнера "Тангейзер". В чем состоит трудность Шпетовской языковой работы? С одной стороны, он стремился к строгой терминологии, с другой стороны, он снова и снова отвлекался на упоительное и опьяняющее в немецкой художественной традиции. Его работа над формулировками колеблется между попыткой перевести русский философский язык в точные термины и понятия, и в то же время не задушить истину жизненного опыта, будь то, к примеру, наслаждение музыкой.

Шпет убежден, что Гуссерль осуществил в философии переворот, который по значимости нисколько не уступает философии Канта. В книге "Явление и смысл" он пытается синтезировать идеи Гуссерля, изложенные в "Логических исследованиях" и в "Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии".

Уже первый термин в названии книги Шпета представляет существенную переводческую проблему. "Явление" означает "Erscheinen" ("явление, появление"). Однако, вслед за Гуссерлем, Шпет не имеет в виду психическое восприятие предмета в сознании человека. Шпет цитирует в сноске первой главы своей книги соответствующее место из "Идей I" Гуссерля. Гуссерль, в свою очередь, приводит не менее четырех обозначений и описаний понятия "явление": "индивидуальное созерцание" (individuelle Anschauung), "явление" (Erscheinen), "ясность, зримость" (Sichtigsein), "обращение взгляда" (Blickwendung). Такое разнообразие понятийных определений Шпет пытается уловить в более длинном текстовом пассаже, разграничивая русские выражения друг от друга: "зрение", "взор", "образ фантазии" [Шпет 2005, 53].

Гуссерль стремится преодолеть многообразие явлений путем редукции мира явлений до лежащей в его основе идеи, отстранившись от всех субъективных восприятий. Шпет пытается применять этот подход к русской философии.

В предисловии к "Явлению и смыслу" он пишет: "Не решать задачи физика или историка призвана философская основная наука, а указать ему его собственные корни, источник, *начала,* подвести всеобщий фундамент под всю громаду современного знания. Мало того, она должна указать не только, как *есть* все сущее и каждую форму сущего *бытия,* должна указать каждому не только его место и назначение, но вскрыть единый *смысл* и единую *интимную идею* за всем многообразием проявлений и порывов творческого духа в его полном и действительном самоосуществлении" [Шпет 2005, 39].

Этот текст создает для переводчика определенные трудности. Сначала нужно адекватно передать смысл синонимического ряда "корни", "источник" и "*начала*". Для первых двух понятий в немецком языке существуют подходящие эквиваленты, трудность же возникает со словом "*начала*", уже имеющим устоявшийся смысл в русском философском контексте, поэтому сам Шпет выделяет его курсивом. Дело в том, что этот термин часто использовал в своей философии Владимир Соловьев, и, как правило, в западных языках он переводится словом "принцип" (das Prinzip). Однако коннотация у терминов "начала" и "принцип" диаметрально противоположная: "начало" – это источник, из которого вытекает единое целостное знание, в то время как "принцип" взят из понятийного инвентаря схоластической аксиоматики и означает механизм логического заключения, логического следования.

Далее, Шпет различает понятия "сущее" и "форма сущего *бытия*". В русском языке сущее и бытие представляют два различных этимологических корня, которые содей-

ствуют в создании смысла. На немецкий язык сущее бытие можно передать лишь выражением “seiendes Sein”. Но тут возникает опасность, что читатель по принципу вывода от противного может предположить существование несущего, несуществующего бытия. Однако именно этого Шпет не хочет допускать. В его понимании речь идет о “явлении” бытия, которое таким образом становится сущим. В конце предисловия он говорит о “самоосуществлении” духа. В немецком языке подразумеваемый здесь смысл невозможно передать существительным, этимологическим корнем которого было бы “сущее”. Единственной возможностью в точности его передать остается описание: “Дух, который сам совершает свое собственное бытие”. Однако это усложнило бы аргументацию. Термин “Selbstverwirklichung” (самовыражение, самоосуществление) оказывается, пожалуй, наиболее подходящим компромиссом для немецкого перевода (см. [Шпет 2003, 274]).

Об этих терминологических трудностях Шпет хорошо знал. Порой он включал немецкие термины в текст, как например, “существование” (“Existenz”) и “суть” (“Essenz”) [Шпет 2005, 54]. Здесь отчетливо проявляется стремление Шпета передать этимологическую и звуковую связь обоих немецких терминов в русском переводе.

Одновременно Шпет пытается использовать в своей книге философские неологизмы. Наглядным примером является перевод слова “Dasein” как “Тубытие”, – при этом в сноске Шпет ссылается на Владимира Соловьева, предложившего этот термин. Шпет прибегает к помощи парафразы, чтобы описать понятие Гуссерля “das Daseiende” как “находящееся предо мною тубытие” [Шпет 2005, 61].

Особую трудность для переводчика представляют субстантивированные вопросительные слова, подлежащие дальнейшему определению. Так, Гуссерль говорит о “Gegenstand im Wie seiner Bestimmtheiten” (дословно о “предмете в Как его определенностей”). Шпет переводит это выражение как “предмет в его определительной квалификации” [Шпет 2005, 161]. Это весьма адекватный вариант перевода. Однако при обратном переводе на немецкий язык следует пояснить сдвиг акцента, сделанный Шпетом. Так в обратном переводе на немецкий язык это означало бы “der Gegenstand in seiner bestimmenden Qualifizierung” (предмет в его определяющей квалификации). В оригинальной формулировке Гуссерля акцент сделан на “Как” по отношению к этой определенности, то есть на состоянии предмета в зависимости от его определений. Этим Гуссерль указывает на статичную величину. Шпет же, напротив, подчеркивает процессуальный характер “определительной квалификации”, выделяя тем самым акт описания, определения. В таких нюансах проявляется специфика шпетовской адаптации феноменологии Гуссерля.

Заслуга Шпета в том, что он расширил феноменологию Гуссерля, внося герменевтическое измерение. Познание у Шпета – это всегда понимание текста, которое не дано просто так. Шпет требует – как и Гуссерль – строгого философского метода, который исключает все случайности в понимании. Таким образом он предвосхищает идеи, которые позже находят окончательную формулировку у Ханса-Георга Гадамера: “Необходимо стремиться к пониманию на основе методического осознания, не просто осуществляя предвосхищения, а эти предвосхищения осознавая и контролируя, чтобы, исходя от вещей, достичь истинного понимания” [Гадамер 1986, 274].

***Б.И. Пружинин***: Мы благодарим Ульриха Шмида за интересный доклад. Игорь Анатольевич, Вам слово.

***И.А. Михайлов***: Я начну с доклада Алексея Савина и любопытной риторической формы, использованной им в самом начале. “Я не согласен почти ни с чем из сказанного” – так Алексей комментирует тезисы В.И. Молчанова. За этим выражением кроется действительно интересная проблема, указывающая, возможно, на некоторое различие метаязыков нашего разговора о Шпете. Что касается конкретных интерпретаций, предложенных Алексеем, то характерной их особенностью является акцент на конститутивной проблематике. Вряд ли кто будет спорить с ее важностью для гуссерлевской феноменологии, однако меня несколько удивила формулировка, что она составляет “главное” в феноменологии. Не пытаемся ли мы в этом случае извлечь из отдельных структурно необходимых компонентов феноменологии Гуссерля *больше*, чем в них заложено? И здесь повторю вопрос Виктора Игоревича: что это нам дальше дает?